

Муж погибшей журналистки Славиной впервые рассказал о трагедии

Со дня гибели главного редактора Koza.Press Ирины Славиной (Мурахтаевой) в Нижнем Новгороде прошло три недели. О ее мягкости и твердости, о том, как забирали из Следственного комитета вещи, изъятые при обыске, будет ли расследован факт доведения Ирины до самоубийства, а также как

может быть увековечена память о ней, – рассказали ее муж Алексей и подруга, журналист и издатель Ирина Еникеева, сейчас исполняющая обязанности главного редактора Koza.Press.

Каждый день к полицейскому главку в центре Нижнего Новгорода, где 2 октября покончила с собой журналистка, горожане несут цветы и свечи. И каждый раз под покровом ночи место стихийного мемориала зачищается.

Все, кто соприкасался с Ириной, отмечают ее стойкость, жизнелюбие, чувство юмора. Она была настоящим бойцом. Ей пытались заткнуть рот, возбуждали по доносам административные дела, обкладывали штрафами, резали шины, угрожали. Она в ответ твердила: «Не дождетесь!». Ко всем нападкам Ирина относилась с иронией. Была трезво оценивающим события и абсолютно адекватным человеком.

Тем труднее сейчас осмыслить и понять роковой поступок главреда «Козы».

2 октября Ирина испекла домашний пирог с яблоками. Поздравила маму по телефону с 70-летием. Написала сыну Вячеславу о том, что любит его. Затем зашла на работу к дочери Рите, которая

училась на заочном отделении филологического факультета и работала в кофейне бариста. Отдала ей банковские карты, снятые с них деньги, попросила передать папе. Обняла дочь.

А потом все увидели ее пост в Фейсбуке: «В моей смерти прошу винить Российскую Федерацию»... И жуткие кадры с уличной видеокамеры.

Ирина ненавидела похоронную тему, траурные венки, искусственные цветы. Поэтому друзья сделали все, чтобы прощание с ней прошло не в ритуальном зале, а в жизнеутверждающем месте. Им стал старинный краснокирпичный особняк в самом центре города, где располагается Дом ученых.

В память об Ирине Славиной друзья и коллеги высадили деревья и разбили цветники в сквере Верхние Печеры, который главред «Козы» помогла в свое время защитить от застройки. Теперь здесь будут цвести белые розы, которые так любила Ирина, а также акации и гортензии.

«Это был человек чести и совести». «Она меняла город и нашу жизнь». «Ушла непобежденной». «Погибла за нас. Это был протест против покорности, апатии, безразличия общества».

Многие хотят знать об Ирине как можно больше. Чем она жила? Как боролась? Чему радовалась? Что подтолкнуло ее к столь трагическому решению?

Близким Ирины сейчас очень тяжело. Но ее муж, Алексей, нашел в себе силы ответить на наши вопросы.

«Постоянно ожидала какой-то пакости»

– Помните, как познакомились с Ириной? Чем она вам понравилась?

– Мы вместе выгуливали своих собак. И она мне сначала совсем не понравилась. Очень уж была независимая. Ира была сорванцом, девочкой с характером мальчика.

– На своей страничке в Фейсбуке она указала: «Учась в седьмом классе, я укусила учителя математики. Но это была самооборона». Что там произошло?

– Они выезжали с классом на Кавказ, произошел какой-то конфликт с учителем, и она его укусила. Считала, что это самооборона.

– Из какой Ира была семьи, кто ее мама и папа по специальности?

– Отец – моряк, капитан дальнего плавания, мама – инженер. Ира очень любила отца, он ей был ближе по духу. У нее был еще родной брат Максим.

– Как вы предложили ей руку и сердце? Где жили, как становились на ноги?

– В очередной раз вернувшись с моря (Алексей – моряк по профессии – «МК»), сделал Ире предложение. Свадьба была в баре «Жигули». Потом где только мы не жили... И у родителей, и квартиру снимали. В 1998 году уже купили свою.

– Когда появился на свет ваш первенец? Какой Ирина была мамой?

– Сын Слава родился в 1992 году. Ира была доброй и ласковой – наверное, как и все мамы на свете.

– Ирина закончила филологический факультет Нижегородского государственного педагогического института по специальности филология. Что она вспоминала о студенческой поре?

– Дело в том, что она училась на заочном отделении и работала. Я по полгода был в море. Так что вспоминать о студенческой жизни особо нечего.

– Три года, с августа 1995-го по август 1998 года, Ирина работала в школе №21 Нижнего Новгорода. Еще три года – в школе №22. Ей нравилось преподавать? Какие у нее были взаимоотношения с учениками?

- Отношения с учениками у нее были отличные, дети Иру очень любили. Причем во всех школах.
- **Как Ира объясняла, почему она решила заняться журналистикой? О чем она первый раз написала? Где вышла публикация?**
- Она никогда никому ничего не объясняла. Занялась и все, ей это было интересно. Насколько я помню, у нее был очерк о нашем походе на байдарках. Он, по-моему, назывался «Берешь рюкзак и...» Опубликован был в «Нижегородской правде».
- **Какие из своих публикаций она считала самыми значимыми?**
- Она не делала незначимых материалов.
- **Были темы, работать над которыми она отказывалась?**
- Конечно, были, но после этого ей, как правило, приходилось увольняться.
- **Как возник творческий псевдоним Ирина Славина?**
- Все до банального просто: отец – Слава, сын – Слава. Поэтому она и взяла псевдоним Славина, папина дочка.
- **Бывало, что Ирина плакала?**
- Да. Если человек никогда не плачет, это не человек.
- **Как у Ирины возникла идея создать собственное сетевое издание Koza.Press?**
- После очередного увольнения фейсбучные друзья предложили эту тему. Даже название было придумано всем миром.
- **Проект существовал за счет пожертвований. Кто присылал деньги? Были ли крупные меценаты? «Коза» приносила хоть какой-то доход?**
- Крупных меценатов не было. Люди переводили, кто сколько мог, были переводы по 50 рублей. Того, что собиралось, хватало

только на текущие расходы.

– В 2016 году как кандидат от партии «Яблоко» Ирина принимала участие в выборах в Госдуму по Приокскому одномандатному округу Нижегородской области. Зачем ей это было нужно?

– Это была возможность официально высказать свою позицию.

– Как Ирина реагировала на штрафы, которые ей выписывали?

– С горечью. Говорила, что получила очередной пинок от государства.

– Как обычно отмечали ее день рождения 8 января?

– По-разному. Иногда был пир с кучей народа, иногда – пир вдвоем. Всегда все готовили сами.

– Ирина любила собак. Какие породы у нее были?

– Фокстерьер, русский спаниель, немецкая овчарка, ирландский сеттер, английский сеттер. Клички придумывали совместно.

– Кто научил ее вязать? Что ей это давало?

– Вязать Иру научила бабушка. Она могла провести за спицами сутки. Ее это занятие успокаивало.

– В пандемию вы с Ириной пробовали сами варить сыр. Вам обоим было интересно осваивать что-то новое?

– Да. У меня и сейчас созревает сыр. А Ирина его просто любила.

– Расскажите об обыске, который прошел у вас 1 октября по уголовному делу в отношении местного предпринимателя Михаила Иосилевича. Ирина была удивлена, что к ней в 6 утра вломился в квартиру? Или это было ожидаемо?

– Она была взбешена. Хотя она постоянно ожидала какой-то пакости.

– У спецназа СОБР на самом деле был с собой бензорез и фомка?

– Да. Также они были вооружены.

– Как долго шел обыск? Что Ирину особенно шокировало?

– Обыск шел около 5 часов. Ира была возмущена тем, что не дали вызвать адвоката. Но больше всего ее взбесило то, что не дали выгулять собаку.

– В тот страшный, роковой день, 2 октября, Ира была обычной? Ничто не предвещало беды?

– Если бы я что-то заметил, я предпринял бы какие-то меры, но ничего этого не было.

– Иру довели?

– На этот вопрос должно ответить следствие.

– Она действительно могла пожертвовать собой, чтобы мы проснулись, не были бесчувственными людьми, боролись с несправедливостью?

– Это вопрос не ко мне, а к обществу. Какими мы будем и что мы хотим получить в итоге.

«Утро многих чиновников начиналось с просмотра «Козы»

Основные заботы по организации похорон Ирины Славиной взяла на себя ее подруга, журналист и издатель Ирина Еникеева. Их связывали годы дружбы. Обе были суперпрофессионалами, у обеих был твердый характер, деловая хватка.

– Когда вы впервые узнали о журналисте Ирине Славиной?

– Мы познакомились в середине 2000-х. Я тогда запустила свой первый медиа-проект – инвестиционное обозрение «Капиталист – Нижний Новгород», а Ира ушла из школы в журналистику и начала работать в «Нижегородской правде».

– Ирина Славина отличалась от своих коллег?

– Я бы сказала по-другому: Ира заметно отличалась от других людей своей нетерпимостью ко лжи и несправедливости. А еще к добровольному загону самого себя в рамки, противоречащие собственным же моральным принципам.

– Многие, кто близко знал Ирину, отмечали, она была человеком комфортным, уютным. Но в то же время довольно радикальной во взглядах. Умела настоять на своем. Не прогибалась. Как в ней это сочеталось?

– Понятие «радикальность» здесь не особо уместно. Принципиальной – да, была. Настоять на своем просто потому, что так хочется, во что бы то ни стало, – нет. Ира была настойчива в том случае, когда понимала, что без проявления этой самой настойчивости может не быть нужного результата.

Что касается комфортности и уюта, то эти слова скорее характеризуют ту атмосферу, которую она создавала в своем близком окружении. Ира очень самокритично называла себя плохой хозяйкой, но поверьте, вкуснее ее пирогов с щавелем, соленых груздей со сметаной или спагетти с соусом дор-блю я не ела. Ну, а ажурные палантины из тончайшей шерсти с шелком, которые она вязала, чтобы оплачивать бесконечные штрафы, стали уже легендой Фейсбука. Кстати, вес одного палантина всего 154 грамма, он легко убирался в дамскую сумочку.

– Ирина бралась за самые острые темы, писала о градоустройстве, преследовании оппозиции, экологии, о нарушениях при госзакупках, фабрикации уголовных дел, о преступлениях силовиков. Она до такой степени была бесстрашной?

– Страшнее скорее тому, кто не знает реального положения дел и пребывает в иллюзиях относительно нашего правосудия.

– По некоторым публикациям «Козу» цитировали чаще, чем крупные городские издания?

– Да, у «Козы» очень высокий индекс цитируемости. Это вообще уникальный медиа-продукт как в плане контента, так и по посещаемости. Так, за предыдущие 12 месяцев по счетчику Гугл количество уникальных пользователей превысило 1,2 млн. Утро многих чиновников начиналось с просмотра «Козы» – о, не попал в антигерои, какое счастье!

– Ее статьи становились поводами для прокурорских проверок? Дело доходило до возбуждения уголовных дел?

– Недавно я наткнулась на нашу переписку, где я ставлю ей редакционное задание и в этом контексте пишу, мол, в сложившейся ситуации виним того-то и того-то. На что Ира мне ответила, что «обвинять может только суд. Журналисты должны ставить вопросы и добиваться на них ответа».

– Она многим помогала?

– Очень многим. Причем адресатами ее помощи очень часто становились совершенно незнакомые люди. Если Ира узнавала о какой-то проблеме человека, то считала своим долгом или помочь лично, или найти того, кто поможет.

– Какой Ира была подругой?

– Она была не подругой, она была другом. Друг – это гораздо емче понятие, понимаете? Гораздо глубже. Три года назад у меня была очень серьезная травма, я долгое время лежала, не вставая, в нейрохирургии. Так вот она, ненавидя больничную атмосферу, пекла мне пироги, делала посреди зимы окрошку – ну, чтобы у меня настроение было более весеннее – и со всем этим добром несколько раз в неделю присылала ко мне Лешу, своего мужа. Он же забирал меня из больницы – в нашей семье как раз тогда был безмашинный период.

– Вы видели ее в отчаянии?

– Никогда не видела. Никогда. Даже о своих постоянных проблемах со всеми этими судами, штрафами, резаными шинами на

автомобиле она рассказывала легко, даже с юмором. У нее, кстати, было отличное чувство юмора.

– В Нижегородской области цензура тотальная?

– Цензуры «сверху» как таковой уже практически нет, поскольку везде есть повсеместная самоцензура. За годы постоянных щелчков по носу (и не только щелчков), за шаг влево, шаг вправо, журналисты уже научились не допускать не то что выражения собственных мыслей, но и тем более проявления своей гражданской и профессиональной позиции и даже намек на саму эту возможность.

– В России быть человеком свободным и прямым – смертельно опасно?

– Как показывают события последних лет, да.

«Вещи вернули нераспакованными»

– Ирину только за последние два года несколько раз привлекали к административной ответственности. Штрафовали на 20, 70, 65 тысяч рублей. Это была месть? Целью было закрыть Славиной рот, уничтожить «Козу»?

– Когда иностранные журналисты узнавали суммы штрафов, они откровенно недоумевали. Действительно, в переводе на доллары и евро получаются копейки. Но для Иры это были неподъемные суммы. «Коза» существует на донаты (добровольные пожертвования). Доход – минимальнейший, позволяющий только-только окупить накладные расходы.

– Ирина не боялась называть имена и фамилии конкретных силовиков, устраивавших провокации. Шла одна против системы. Откуда в ней столько силы и бесстрашия?

– Полагаю, что сила и бесстрашие были заложены в Ире на генетическом уровне. Она же капитанская дочка, ей по определению не страшен ни шторм, ни встречный ветер, ни подводные камни.

– Взять последний обыск 1 октября. Если Ирина была свидетелем и не являлась ни подозреваемой, ни обвиняемой в рамках расследования уголовного дела, зачем, на ваш взгляд, к ней нужно было вламываться домой в шесть утра? Какова была цель этой силовой акции?

– Учитывая, что все изъятые во время обыска вещи вернули даже нераспакованными, то цель была одна – подавить, напугать, показать, как может быть, и тем самым «поставить на место». Правда, до сих пор не вернули оба ее телефона. Думаю, пытаются вытащить контакты и всю переписку.

– Когда последний раз общались с Ириной Славиной? О чем говорили?

– Поскольку более двух лет назад я переехала в Москву и очень редко стала бывать в Нижнем Новгороде, то виделись мы нечасто. За две недели до произошедшего мы обсуждали тему независимой журналистики в Нижнем и возможность создания некоего профессионального объединения, независимой альтернативы Союза журналистов, из которого Ира вышла несколько лет назад, считая эту организацию фейком. Должны были в выходные встретиться. Вот и встретились...

Она была настоящей девочкой, всегда при макияже, с уложенными волосами. Переживала даже за цветные блики софитов на лице, которые были видны на фотографиях. И тут решилась на такое... Когда от внешней красоты не останется ничего. Значит, считала, что так больше продолжаться уже не могло.

– Ожидали, что на церемонию прощания с Ириной Славиной придет столько людей?

– Во время любых мероприятий, проходящих в Нижнем, у меня всегда ощущение, что я знаю всех присутствующих. Вернее, это даже не ощущение, а так оно и есть. А на церемонии прощания с Ирой я постоянно ловила себя на мысли, что я никого не знаю. Понимаете? Это был не узкий журналистский круг, не бизнес-кружок, а нескончаемый человеческий поток, поток нижегородцев,

читающих «Козу»/Иру Славину и доверяющих «Козе»/Ире Славиной.

– Как думаете, будет расследован факт доведения Ирины Славиной до самоубийства? Виновных найдут? Они будут наказаны?

– Когда нужно было забирать из Следственного комитета вещи, изъятые во время обыска, следователь Шлыков, выписавший постановление на обыск, сослался на срочный отъезд по служебным делам. Сказал что-то типа «вещи отдаст другой следователь». Другой следователь и отдал.

Только я нутром чувствовала, что Шлыков у себя в кабинете. Подошла к двери. Тишина. Постучала. Тишина. Заглянула в соседний кабинет и попросила набрать Шлыкова, мол, к нему пришли. В итоге из кабинета Шлыкова раздался голос, отвечающий на телефонный звонок...

Открыл. Спрашиваю, считает ли он себя виновным. Отвечает: «Нет». Спрашиваю, а кто виновен? Говорит: «Не знаю». Спрашиваю, как же не знаете, если вы – следователь. Отвечает: «Виновные будут выявлены и наказаны». И такое равнодушие в бегавшем взгляде... Мне кажется, что во время нашего разговора в голове у Шлыкова пронеслись страшные картины – от разжалования до отставки. Мне кажется, это единственное, что его сейчас беспокоит.

Между тем к нам подошел коллега Шлыкова, руководитель другого отдела, долго говорил какие-то слова, опустив голову... На мой вопрос, рассказал ли он своей семье о произошедшем, он сказал, что детям все это знать не нужно, а вот жене рассказал – и жена сказала, что хреновая у него работа, если люди вот так гибнут.

А когда мы уже спускались по лестнице к выходу из здания Следственного комитета, нас догнал сотрудник, который был при обыске. И, знаете, он не только сказал стандартные слова соболезнования, он попросил прощения за все, что случилось.

– Будет Ирине Славиной установлен памятник?

– Думаю, что Ира меньше всего хотела бы, чтобы ей был установлен памятник. Памятник – это финал. Прощание. А Ира должна жить. И не в виде памятника, а в нашей памяти, в нашем сердце. Поэтому некий символ – символ жизни, внутреннего возрождения, символ свободы – в Нижнем Новгороде однозначно должен появиться. В настоящее время мы прорабатываем композиционное решение и обсуждаем с властями варианты его территориального размещения.

– **Будет ли продолжать работу «Коза Пресс»?**

– «Коза» не может не продолжаться. Оставаясь независимым во всех смыслах проектом, «Коза» будет жить и развиваться.

Светлана Самоделова

